

Р.Ю. Почекаев*

РОССИЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О ПРАВЕ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА¹

Аннотация. В статье анализируются сведения российских путешественников (дипломатов, торговцев, ученых) о праве Кокандского ханства. Рассматриваются вопросы административно-территориального деления и взаимоотношений центральных и региональных властей, система налогообложения, принципы суда и наказаний за преступления. Особое внимание уделяется правовому положению кочевых подданных Кокандского ханства – казахов и киргизов. На основе анализа свидетельств российских очевидцев предпринимается попытка выяснить, являлось ли мусульманское право основной и единственной правовой системой в этом среднеазиатском государстве, как можно понять, опираясь на кокандские исторические хроники и сохранившиеся официальные акты ханства.

Ключевые слова: Кокандское ханство, русские путешественники XIX в., административно-территориальное устройство, налоги, преступления и наказания, традиционное право, мусульманское право.

Обращаясь к вопросам правового развития среднеазиатских ханств, мы сталкиваемся с проблемой объективности информации имеющейся в нашем распоряжении. Главные источники – это труды местных историографов (преимущественно сановников и придворных историков) и сохранившиеся официальные документы ханской канцелярии или результаты деятельности мусульманских судей – кадиев. Опираясь на них, можно сделать вывод, что в регулировании правовых отношений кокандские власти следовали принципам и нормам исключительно мусульманского права². Однако, принимая во внимание своеобразие развития государственности и права среднеазиатских ханств – наследников Монгольской империи и тюрко-монгольских государств потомков Чингисхана, такой вывод представляется сомнительным.

В связи с этим большой интерес с точки зрения изучения правовой ситуации в среднеазиатских ханствах представляют записки русских и

---

* *Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, ropot@mail.ru*

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 16–01–0022) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих 10 университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² См., напр.: *Лунев Ю.Ф.* Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. М., 2004.

европейских путешественников, посетивших эти государства. В отличие от местных жителей или мусульманских путешественников они, во-первых, не были заинтересованы в подчеркивании ведущей роли ислама и шариата в среднеазиатских ханствах, во-вторых, нередко они действовали по поручению правительств своих государств (порой выполняя и функции разведчиков), поэтому их целью был сбор наиболее объективной и актуальной информации.

В рамках настоящей статьи мы намерены продемонстрировать важность и ценность информации такого рода на примере сведений российских путешественников XIX в. о Кокандском ханстве. Это обширное среднеазиатское государство, игравшее в рассматриваемый период значительную роль в регионе, оказывало значительное влияние не только на среднеазиатские дела, но и на положение кочевников – казахов и киргизов (в т.ч. и находившихся в подданстве Российской империи или намеревавшихся принять его), а также на Восточный Туркестан (современный Синьцзян).

От Кокандского ханства сохранилось большое количество исторических сочинений, активно изучаемых в последнее время¹. Также до нас дошло значительное число официальных, в т.ч. и правовых, актов ханской канцелярии, также частично введенных в научный оборот². Естественно, согласно этим источникам, принципы шариата являлись доминирующими в системе управления и правового регулирования ханства, а его правители представлены как ревнители ислама и шариата, обладающие всей полнотой властью над своими многочисленными подданными разных национальностей и с различным хозяйственным укладом.

Однако если мы обратимся к свидетельствам иностранных современников – а таковыми в XIX в. являлись преимущественно российские дипломаты, торговцы или ученые, при разных обстоятельствах оказывавшиеся в ханстве и нередко сами становившиеся свидетелями или даже участниками правовых отношений, – то убедимся, что ситуация весьма существенным образом отличалась от картины, создаваемой придворными историками и официальными чиновниками.

---

¹ Только в начале XXI в. анализу кокандских исторических сочинений были посвящены два фундаментальных исследования: *Бабаджанов Б.М.* Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио; Ташкент, 2010; *Бейсембиев Т.К.* Кокандская историография: Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. Алматы, 2009.

² См., напр.: *Набиев Р.Н.* Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана). Ташкент, 1973; *Набиев Р.Н.* Вакфное хозяйство Кокандского ханства. Ташкент, 2010; *Троицкая А.Л.* Каталог архива кокандских ханов XIX века. М., 1968; *Троицкая А.Л.* Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. По документам архива кокандских ханов. М.: Наука, 1969.

В настоящей статье анализируются сведения российских путешественников, побывавших в ханстве на протяжении практически всего времени его существования. Так, переводчик Ф. Назаров побывал в Коканде в 1813–1814 гг., лекарь Ф.К. Зибберштейн в 1825 г., хорунжий Н.И. Потанин в 1829–1830 гг., казаки Максимов, Ф. Милюшин и М. Батарышкин в 1840-х – начале 1850-х гг., купеческий приказчик С.Я. Ключарев в 1851–1852 гг., И. Батыршин в 1853 г., ученый Н.А. Северцов в 1858 г., военный чиновник и исследователь М.И. Венюков в 1859–1860 гг., естествоиспытатель А.П. Федченко в 1871 г., а чиновник и ученый А.А. Кун – незадолго до падения ханства, в 1875 г.

Труды большинства упомянутых авторов неоднократно привлекались исследователями истории Кокандского ханства и русско-кокандских отношений¹, развития русской науки и истории научных экспедиций в Среднюю Азию². Однако, насколько нам известно, их сведения о кокандском праве до сих пор специально не исследовались. Естественно, российские путешественники не имели целью формирования подробного представления именно о правовых реалиях Кокандского ханства, поэтому их сведения по правовым вопросам довольно отрывочны, но тем больше, по нашему мнению, их важность для исследователя. При этом порой статус автора тех или иных записок совершенно не отражал полноты его информации правового характера: например, весьма ценные наблюдения об особенностях налоговой системы или положения отдельных слоев населения содержатся в дневнике оренбургского переводчика И. Батыршина, всего лишь сопровождавшего русские войска в походе на Ак-Мечеть в 1853 г., или ученого А.П. Федченко, естественно, больше интересовавшегося природой и геологией ханства, чем его политическим, экономическим или правовым устройством.

Представляется целесообразным отдельное внимание уделить особенностям правового статуса кочевых подданных Кокандского ханства – киргизов и казахов, число которых было гораздо более значительным,

---

¹ См., напр.: *Гаффаров Ф.* Экономические и политические связи России с Кокандским ханством в первой половине и 60-70 годах XIX века. Автореф. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1969. С. 14, 15; *Плоских В.М.* Киргизы и кокандское ханство. Фрунзе, 1977. С. 49; *Плоских В.* Первые киргизско-русские посольские связи (1784–1827 гг.). Фрунзе, 1970. С. 43–83; *Сооданбеков С.С.* Общественный и государственный строй Кокандского ханства (конец XVIII–XIX век). Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 1978. С. 5; *Тимченко С.В.* Казахско-кокандские отношения и политика России (Вторая половина XVIII – 70-е гг. XIX вв.). Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1986. С. 9; *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. С. 225–227, 230–232.

² См., напр.: *Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию / Сост. О.В. Маслова. Ч. I. 1715–1856.* Ташкент, 1955. С. 29-30, 42-43; *Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию / Сост. О.В. Маслова. Ч. II. 1856–1869.* Ташкент, 1956. С. 61, 81–83.

чем в современных ему Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Кроме того, начиная с середины XIX в. представители кочевой элиты стали оказывать решающее влияние на политическую ситуацию в ханстве, поддерживая то одних, то других претендентов на трон, устраивая восстания против правивших монархов и решая дальнейшую судьбу контролируемых ими регионов¹. При этом следует отметить, что российские путешественники и сами уделяли значительное внимание статусу кокандских кочевников, поскольку и часть казахских и киргизских родоплеменных подразделений в рассматриваемый период уже приняла российское подданство, а остальные представлялись имперским властям потенциальными подданными². Соответственно, интерес к их правовому статусу имел отнюдь не исследовательское, а чисто практическое значение: ведь, зная о причинах недовольства кочевников своим правовым положением, можно было внести соответствующие изменения в их статус (что впоследствии и делалось российскими властями в процессе фронтальной модернизации).

Прибывая в Кокандское ханство, представители России, в первую очередь, вступали во взаимодействие с региональными властями, опыт общения делал очевидным весьма слабую централизацию власти в ханстве и фактическую самостоятельность беков, управлявших отдельными областями – хотя формально они и назначались на свои должности ханами. Вероятно, во многом эта самостоятельность была связана с тем, что правителями ряда областей назначались члены ханского рода, формально имевшие не меньше прав и на трон Коканда. В связи с этим становится вполне понятным, почему правитель Ташкента Малла-бек, старший брат хана Худояра, находился в постоянной оппозиции к нему, сначала пытаясь превратить свое бекство в самостоятельное владение, а затем – и вообще свергнуть брата с трона³. Неоднократно хану приходилось «усмирять» восставших беков⁴.

Именно эта самостоятельность и объяснялась тем, что многие беки, обладавшие могуществом и влиянием, продолжали поддерживать ханов

---

¹ См.: *Бейсембиев Т.К.* Ферганские номады в Кокандском ханстве и их историографы // *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.* Алма-Ата, 1989. С. 345–346; *Федченко А.П.* Путешествие в Туркестан. Вып. 7. Т. I. Ч. II. В Кокандском ханстве. СПб.; М., 1875. С. 8, 96.

² См., напр.: *Бекназаров Р.* Юг Казахстана в составе Кокандского ханства и его присоединение к России. Автореф. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1969.

³ Краткий дневник, веденный переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть. 1853 г. / Пред., подгот. текста, коммент. И.В. Ерофеевой, Б.Т. Жанаева // *История Казахстана в документах и материалах.* Вып. 2. Астана, 2012. С. 335. См. также: *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 188–193.

⁴ *Макшеев А.* Показания сибирских казаков Милюшина и Батарышкина, бывших в плену у кокандцев с 1849-го по 1852-й год // *Вестник Императорского Русского географического общества.* 1856. Кн. IV. Отд. V. С. 30–31.

(например, хана Худояра, которого его собственный подданный в разговоре с Н. Северцовым охарактеризовал как «дрянь»), при которых в собственных владениях они могли делать, что хотели. Доходило до того, что владельцы пограничных областей позволяли себе самостоятельные переговоры с имперской администрацией, предлагать условия мирных договоров и т.д.¹. Их самостоятельность также выражалась в том, что беки могли устанавливать собственные налоги и сборы, а также имели собственную компетенцию в судебной сфере, как будет показано ниже.

Однако слабость центральной власти была «палкой о двух концах»: не подчиняясь хану, беки не могли и прибегнуть к его покровительству в случае проблем в собственных владениях. В результате приход к власти регионов ханских ставленников был не всегда гладким, а периодические поездки в столицу грозили потерей власти. Так, когда хан назначил в Туркестан нового бека Юсуп-бия, сын его предшественника Аманберды просто-напросто не пустил его в город. Аналогичным образом, когда еще один туркестанский правитель, Кидебай-датха, был вызван в Ташкент вышеупомянутым Малла-беком, по возвращении его не впустил в город его же собственный заместитель, оставленный им исполнять обязанности правителя²!

Многочисленные кочевые родоплеменные подразделения обладали в ханстве особым административным статусом. С одной стороны, они были интегрированы в систему управления и армейскую структуру ханства (носили титулы датха и пр., звания пансадов - пятисотников и юзбаши - сотников³), но вместе с тем находились в еще большей независимости от ханов, чем региональные беки, порой ведя себя как совсем независимые правители, на равных ведущие переговоры с ханами⁴. Так, киргизы Алатау не пускали на свои земли ханских чиновников и лесорубов, хотя власти даже готовы были платить им за заготовку леса в их владениях⁵. Нередко отношения кочевников с кокандскими властями ограничивались редкими

---

¹ Северцов Н. Месяц плена у Коканцев. СПб., 1860. С. 73–75, 80.

² Дневник путешествия приказчика С.Я. Ключарева из Троицка в Ташкент и обратного пути из Ташкента в Троицк (14 октября 1851 – 29 августа 1852 г.) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. Алматы, 2007. С. 332; Краткий дневник... С. 335. См. также: *Макшеев А.* Указ. соч. С. 26.

³ См., напр.: Краткий дневник... С. 339.

⁴ См., напр.: Путевые замечания лекаря Омского гарнизонного полка Ф.К. Зибберштейна (17 июля – 12 октября 1825 г.) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. Алматы, 2007. С. 244–245.

⁵ Записки о Кокандском ханстве хорунжего Н.И. Потанина (12 августа 1829 – 24 марта 1830 г.) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. Алматы, 2007. С. 268.

приездами к ним ханских сборщиков налогов, и только в чрезвычайных обстоятельствах ханы старались укрепить свой контроль над кочевыми подданными. Так, после установления контроля Коканда над Каратегиним в киргизские владения был назначен правителем Исмаил-токсаба, которому были приданы «джигиты»: эта мера должна была удержать киргизские роды от поддержки возможного мятежа в только что присоединенном Каратегине¹.

Учитывая, что интерес России к ханствам Средней Азии, в т.ч. и Коканду, во многом диктовался торговыми целями, российские путешественники довольно подробно характеризовали кокандскую налоговую систему. Опираясь на их сведения, можно сделать вывод, что она испытала довольно существенную эволюцию. Так, если Ф. Назаров и Н.И. Потанин отмечают фактическое отсутствие регулярных налогов (за исключением торговых пошлин)², то путешественники, посетившие ханство в 1850–1870-е гг. уже говорят о четко разработанной налоговой системе, при которой различные налоги взимались с различных категорий населения в соответствии с установленными ставками.

В последние десятилетия существования Кокандского ханства в нем взимались налог харадж (десятина с урожая), танап (денежный сбор с площади пахотной земли, садов и огородов), зякет (торговый налог и сбор со скота), базарный налог за право торговли и весовой сбор, взимавшийся при совершении каждой сделки, арендная плата за пользование лавками и амбарами, возведенными за счет ханской казны, сборы за заключение брака, плата за переправы через Сырдарью и т.д.³. Стоит обратить внимание, что если харадж и зякет являлись налогами, прямо установленными шариатом, то остальные налоги к таковым не относились. Так, зякет как торговая пошлина с товаров, весовой сбор, плата за переправу через реки были унаследованы еще от монгольской имперской правовой системы, широко применявшейся и в государствах потомков Чингис-хана⁴. А танапный сбор, базарный налог, сбор с имений и арендные сборы возникли уже в налоговой практике среднеазиатских ханств. Многие налоги и сборы (в т.ч. харадж и сборы за переправу через реки) даже не взимались ханскими чиновниками, а отдавались на откуп частным лицам, которые, естественно, взимали больше, чем должны были отдавать в ханскую казну⁵.

¹ Федченко А.П. Из Кокана. Сведения о путешествии по Коканскому ханству в 1871 г. Ташкент, 1871. С. 22–23.

² Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968. С. 32, 34; Записки о Кокандском ханстве... С. 271.

³ См. подробнее: Кун А. Очерк Кокандского ханства. СПб., 1876. С. 6.

⁴ См. подробнее: Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 113–115.

⁵ См.: Записки о Кокандском ханстве... С. 268–269; Кун А. Указ. соч. С. 7.

При этом, учитывая отмеченную выше специфику взаимоотношений центральных и региональных властей ханства, не приходится удивляться, что далеко не все налоги шли в ханскую казну: многие взимались исключительно в пользу беков – правителей областей. Для их разграничения даже были введены специальные термины: к числу налогов, постулавших в казну («хасаги») относились зякет, сборы с имений, арендная плата за лавки и амбары, сбор за заключение брака и выморочное имущество, из остальных же налогов хану доставались лишь средства со столичной области¹. При этом наиболее серьезно ханские власти относились к сбору зякета – торгового налога, составлявшего 1/40 от стоимости товаров². Он взимался непосредственно в ханскую казну, причем в Коканде его сбор контролировал один из высших сановников государства – мирахур («конюший»), лично присутствовавший в «зякет-сараях» при оценивании и взвешивании товара и процедуре взимания зякета с них³. Но, вероятно, время от времени хан позволял отдельным бекам взимать торговую пошлину и в их пользу – правда, в таких случаях она бралась дважды: в соответствующем регионе чиновниками бека и в дальнейшем уже ханскими сборщиками. Подобную ситуацию описывают Ф. Назаров и И.Н. Потанин, являвшиеся свидетелями того, как в Туркестане пошлина бралась в пользу местных властей, а в Ташкенте – уже в ханскую казну⁴.

В пользу беков («бишлык») шли харадж, танап и прочие региональные сборы. Более того, беки, обладая всей полнотой власти в своих регионах, могли позволить себе существенно повышать ставки существующих налогов и даже вводить новые, свои собственные. И. Батыршин подробно описывает подобные налоги: салык (налог скотом в зимний период), скот на зарез (100 баранов с каждого родоплеменного отделения), дополнительные повинности для войск бека (провиант для воинов и фураж для лошадей) и даже специальный сбор... за молитву, которую бек возносил в связи с началом уборки урожая⁵!

Не приходится удивляться, что хан Худояр, постоянно недополучавший в казну средства из регионов, регулярно вводил новые сборы с населения – за хворост, камыш, колючку (корм для скота, право

---

¹ Кун А. Указ. соч. С. 7; Показания сибирского казака Максимова о Коканском ханстве // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VII. Г.Н. Потанин. Исследования и материалы. Алматы, 2006. С. 300.

² Особые ставки действовали в отношении отдельных видов товаров – в частности, с пшеницы, ячменя, табака и гороха он взимался в размере 20% от их количества, см.: Показания... С. 300.

³ Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. С. 39–40.

⁴ Назаров Ф. Указ. соч. С. 32, 34; Записки о Кокандском ханстве... С. 259.

⁵ Краткий дневник... С. 347–350.

пользование водой и т.д. Как отмечал А.А. Кун, «оставался только воздух, за право которым не бралось ничего»¹.

Исследователи неоднократно отмечают тяжелое положение представителей казахского и киргизского населения как налогоплательщиков. Формально они должны были платить зякет в размере 1 головы скота с сотни, однако беки нередко взимали по 1 голове и с 40, и даже с 20 голов. Для них был также установлен сбор «с дыма» («тюнлюк-зякет» или «тютюнь-баши») – по 1 барану с каждой кибитки, составлявший по барану. «Тарту(к)», т.е. подарки родоплеменных правителей беку, традиционно преподносившиеся в отдельных случаях, со временем стали регулярной практикой и составляли традиционный для кочевых обществ «девяток»: 4 верблюда и 5 лошадей, 9 штук ситца, 9 голов сахара². То, что казахи и киргизы не восставали из-за подобных притеснений, по мнению М. Венюкова объяснялось единством их вероисповедания с кокандцами. Однако при первой же возможности кочевники старались найти другого сюзерена, обращаясь в т.ч. и к российским властям, надеясь на существенное ослабление налогового гнета. Впрочем, в ряде случаев они могли оказывать и более «пассивное сопротивление» налоговому произволу: либо просто ничего не выплачивать ханским чиновникам, либо откочевать в отдаленные местности, куда сборщики налогов не могли добраться без риска для жизни.

Интересные сведения приводят российские очевидцы и относительно системы преступлений, наказаний и организации судебной деятельности. В этой сфере правоотношений также ярко проявилось сосуществование различных правовых систем – мусульманской и тюрко-монгольской. Первая была представлена судом кадиев, выносивших решение на основе принципов шариата, вторая – судом ханов и беков, решавших дела и определявших наказания по собственному усмотрению.

Кадии назначались ханскими ярлыками по представлению беков³. Они судили большинство дел, касавшихся частноправовых (торговых и семейных) отношений, а также уголовные преступления, не относившиеся к числу тяжких. Тем не менее, в ряде случаев они могли приговаривать не только к штрафам или телесным наказаниям (например, к отрубанию руки за воровство), но и к смертной казни. Особенно тяжелое впечатление производило на русских очевидцев наказание женщин за прелюбодеяние: их либо закапывали по грудь в землю и забивали камнями, либо даже

¹ Кун А. Указ. соч. С. 7.

² Венюков М. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868. С. 164–165; Краткий дневник... С. 347, 348.

³ Кун А. Указ. соч. С. 6.

сбрасывали с минарета (характерно, что любовник замужней женщины мог откупиться, выплатив штраф в 200 золотых монет)¹.

Дела чиновников или наиболее тяжкие преступления судили сами ханы или наместники областей. В большинстве таких случаев преступник приговаривался к смертной казни – чаще всего путем повешения (причем беки имели право сами выносить смертные приговоры, не согласуя их с ханом, хотя и советовались с представителями местного духовенства)². Кроме того, широко были распространены и внесудебные расправы с сановниками и чиновниками, в верности которых хан имел сомнения. Печальную известность приобрел в этом отношении хан Худояр, уже с молодости привыкший казнить впавших в немилость приближенных без суда – к счастью для них, впрочем, нередко забывая о своих приказах и не контролировавший их исполнение, что спасало им жизнь. Тем не менее, только за 1866–1871 гг. по его приказу тайно было казнено около 3 000 чел.³.

Действовала в ханстве и своеобразная «административная юстиция», осуществлявшаяся представителями городской стражи – курбаши и миршабами (которых российские очевидцы соотносят, соответственно, с полицмейстерами и полицейскими). Они надзирали за порядком в городе и соблюдением правил торговли, имея право наказывать нарушителя на месте. Так, Ф. Назаров описывал наказание купца, обвиненного в обвешивании покупателей: его, раздев, водили по городу, нанося удары плетью (причем для установления вины достаточно было показаний двух свидетелей, клявшихся на Коране, что торговец их обманывал)⁴.

Таким образом, анализ сведений российских путешественников позволяет сделать вывод, что в Кокандском ханстве наряду с принципами мусульманского права широко применялось правовое наследие тюрко-монгольских государств, а также имела место нормотворческая деятельность ханов и региональных правителей – беков. Особенно ярко эти тенденции проявились в отношении кочевых подданных Кокандского ханства, среди которых мусульманское право в рассматриваемый период особого распространения как раз не имело, да и само мусульманство кочевников было «весьма поверхностно». В этом они сильно отличались от населения крупных городов (особенно Коканда и Ташкента), где предписания шариата соблюдались весьма scrupulously (обязательное совершение намаза, обязанность женщин закрывать лицо при выходе на

---

¹ Назаров Ф. Указ. соч. С. 52–53; Записки о Кокандском ханстве... С. 278–279.

² Записки о Кокандском ханстве... С. 271; Макиев А. Указ. соч. С. 29; Назаров Ф. Указ. соч. С. 58.

³ Северцов Н. Указ. соч. С. 80–81; Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. С. 56.

⁴ Кун А. Указ. соч. С. 6; Назаров Ф. Указ. соч. С. 52.

улицу и пр.), а сами правители провозглашали себя защитниками ислама и шариата¹.

Библиографический список:

1. *Бабаджанов Б.М.* Кокандское ханство: власть, политика, религия. – Токио; Ташкент, 2010. – 744 с.
2. *Бейсембиев Т.К.* Кокандская историография: Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. – Алматы, 2009. – 1263 с.
3. *Бейсембиев Т.К.* Ферганские номады в Кокандском ханстве и их историографы // *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.* – Алма-Ата, 1989. – С. 345–348.
4. *Бекназаров Р.* Юг Казахстана в составе Кокандского ханства и его присоединение к России. Автореф. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1969. – 26 с.
5. *Венюков М.* Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. – СПб., 1868. – 528 с.
6. *Гаффаров Ф.* Экономические и политические связи России с Кокандским ханством в первой половине и 60-70 годах XIX века. Автореф. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1969. – 39 с.
7. *Дневник путешествия приказчика С.Я. Ключарева из Троицка в Ташкент и обратного пути из Ташкента в Троицк (14 октября 1851 – 29 августа 1852 гг.)* // *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века.* – Алматы, 2007. – С. 319–338.
8. *Записки о Кокандском ханстве хорунжего Н.И. Потанина (12 августа 1829 – 24 марта 1830 гг.)* // *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века.* – Алматы, 2007. – С. 254–299.
9. *Краткий дневник, веденный переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть. 1853 г. / Пред., подгот. текста, коммент. И.В. Ерофеевой, Б.Т. Жанаева* // *История Казахстана в документах и материалах. Вып. 2.* – Астана, 2012. – С. 279–372.
10. *Кун А.* Очерк Коканского ханства // *Известия Императорского Русского географического общества.* – Т. XII. 1876 (отд. оттиск). – 12 с.
11. *Лунев Ю.Ф.* Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. – М., 2004. – 216 с.
12. *Макшеев А.* Показания сибирских казаков Милюшина и Батарышкина, бывших в плену у кокандцев с 1849-го по 1852-й год // *Вестник Императорского Русского географического общества.* – 1856. Кн. IV. Отд. V. – С. 21–31.
13. *Набиев Р.Н.* Вакфное хозяйство Кокандского ханства. – Ташкент, 2010. – 650 с.
14. *Набиев Р.Н.* Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана). – Ташкент, 1973. – 388 с.
15. *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. – М., 1968. – 77 с.
16. *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. – Казань, 1886. – 215 с.
17. *Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию / Сост. О.В. Маслова. Ч. I. 1715–1856.* – Ташкент, 1955. – 83 с.

¹ См.: *Записки о Кокандском ханстве...* С. 264; *Макшеев А.* Указ. соч. С. 27.

18. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию / Сост. О.В. Маслова. Ч. II. 1856–1869. – Ташкент, 1956. – 102 с.
19. *Плоских В.М.* Киргизы и кокандское ханство. – Фрунзе, 1977. – 368 с.
20. *Плоских В.* Первые киргизско-русские посольские связи (1784–1827 гг.). – Фрунзе, 1970. – 93 с.
21. Показания сибирского казака Максимова о Коканском ханстве // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VII. Г.Н. Потанин. Исследования и материалы. – Алматы, 2006. – С. 292–302.
22. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. – Казань, 2009. – 260 с.
23. Путевые замечания лекаря Омского гарнизонного полка Ф.К. Зибберштейна (17 июля – 12 октября 1825 г.) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. – Алматы, 2007. – С. 222–253.
24. *Северцов Н.* Месяц плена у Коканцев. – СПб., 1860. – 98 с.
25. *Сооданбеков С.С.* Общественный и государственный строй Кокандского ханства (конец XVIII–XIX век). Автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 1978. – 21 с.
26. *Тимченко С.В.* Казахско-кокандские отношения и политика России (Вторая половина XVIII – 70-е гг. XIX вв.). Автореф. ... канд. ист. наук. – М., 1986. – 25 с.
27. *Троицкая А.Л.* Каталог архива кокандских ханов XIX века. – М., 1968. – 583 с.
28. *Троицкая А.Л.* Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. По документам архива кокандских ханов. – М., 1969. – 156 с.
29. *Федченко А.П.* Путешествие в Туркестан. Вып. 7. Т. I. Ч. II. В Коканском ханстве. – СПб.; М., 1875. – 160 с.
30. *Федченко А.П.* Из Кокана. Сведения о путешествии по Коканскому ханству в 1871 г. – Ташкент, 1871. – 36 с.
31. *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). – М., 1974. – 407 с.